

ДОЛГОВЫЕ ОБЪЯТИЯ

Зубарев
Сергей Михайлович

консультант института
управления и предпри-
нимательства УрГУ

E-mail:
zubr@usp.ru

В статье рассматривается рабочий альянс должника и кредитора в качестве скрытой разновидности детско-родительских отношений.

Ключевые слова: Долг. Должник, кредит, кредитор, «чувство долга», справедливость, деньги, родитель, ребёнок, потенция, нарциссизм, вина, обида, прощение, благодарность.

EMBRACE OF DEBT

Zubarev S.M. Consultant for the institute of Management and Business at Ural State University.
E-mail: zubr@usp.ru

The article deals with the alliance between a debtor and a creditor as latent variety of children/parent relations.

Key words: debt, debtor, creditor, responsibility, justice, money, parents, child, potentiality, narcissism, guilt, forgiveness, gratitude

Брать в долг и давать в долг – весьма распространённые обыденные действия. Практически каждый взрослый человек когда-нибудь в своей жизни делал это. И столь же многим известны переживания, связанные с участием в этом альянсе с той, либо с другой стороны.

Долговые отношения пронизывают и скрепляют всё общество. Они играют ключевую роль в возникновении и развитии кризисов. Отношение к

долгу – в широком смысле этого слова – важная характеристика любой культуры или субкультуры.

Отложив на будущее взаимоотношения граждан с кредитными организациями и взаимодействия юридических лиц между собой, сосредоточимся сейчас на первичной модели долговых отношений – между «физическими лицами».

А большинство этих «физических лиц» вступают в упомянутые отношения, никак их документально не оформляя. На честном слове. Самоуверенно игнорируя содержание глав 21 -26 части первой Гражданского Кодекса РФ [3].

Казалось бы, парадоксальность, «скользкость» этих отношений давно и общеизвестна, но не смолкает треск тех самых граблей по новым, да и по старым тоже, лбам.

Долги могут разрушить дружбу, разорвать родственные отношения, в наиболее тяжёлых, но, увы, не исключительных случаях, приводят к смертельному исходу.

Внешне всё выглядит мило: один человек в трудную минуту помогает другому человеку. Номо Номини, как положено. С одной стороны – сострадание и благородство, с другой – благодарность и признательность.

Но почему вдруг их прежде тёплые и доверительные отношения насыщаются враждой, ненавистью, особенно с «вырученной» стороны: образ благодетеля-кредитора стремительно обесценивается, в нём выискиваются всевозможные моральные изъяны, которые должны обосновать полный или частичный невозврат долга. Смерть кредитора всё чаще возникает в грёзах должника, сначала – как трагический случай, заодно решающий проблемы мечтателя, потом – как оптимальное решение проблемы с тающим послевкусием вины. Переход от фантазий к конкретным действиям, к счастью, предпринимают не все. Кредиторы так же могут ожесточиться и дойти до крайних садистических мер по возврату долга. Но, справедливости ради, заметим, что убивают должников кредиторы куда реже, чем те – их. Не из большего морального совершенства, понятное дело. Просто, чтобы убить должника, надо сначала простить ему долг, то есть, выйти из долговых

отношений и принять на себя бесплодную роль мстителя.

Почему так? Какие неприметные снаружи факторы выворачивают отношения неплохих, в общем-то, людей наизнанку? Чем обусловлена парадоксальность взаимоотношений должника и кредитора?

Есть на этот счёт блестящая интерпретация, М.А. Светлова: «Берёшь (деньги) чужие и на время, а отдаёшь свои и навсегда» [8]. Но она лишь фиксирует внезапные смысловые сбои, ломающие рациональную основу отношений, не указывая на бессознательные иррациональные составляющие, которые отменяют логику договорённости и ломают сознательные «правильные» намерения сторон.

Некоторые люди жёстко придерживаются принципа: «В долг не даю, чтобы не терять друзей». Честней, конечно, ограничиться первой частью фразы, без мотивировки. А если другу эта сумма жизненно необходима? Смертей, тяжёлых болезней и прочих форс-мажоров никто ведь не отменял. Разве не будет отказ концом дружбы?

Другие говорят: «Даю только сумму, которую, если что, будет не жалко» Но это не долг, а подавание. Получающий подавание, понятное дело, тоже не бывает благодарным, но по иным причинам: просящий профессионально испытывает к дающему презрение, просящий вынужденно – низводит свой статус до минимального и подающего естественным образом ненавидит.

Показательная история на эту тему связана с Ходжой Насреддином: Знакомый попросил у него в долг немного денег. Ходжа подозревал, что тот не вернёт долг. Но поскольку сумма была небольшой, он дал просящему эти деньги.

К удивлению Ходжи, знакомец вернул долг вовремя. Через некоторое время тот снова попросил, но уже большую сумму. Ходжа на этот раз отказал, а когда проситель стал ссылаться на свою хорошую кредитную историю, ответил: «Я в тот раз не ждал возврата денег, но ты обманул мои ожидания. Теперь я жду возврата, но боюсь, что ты обманешь и на этот раз» [11]. Парадоксальный с юмором ответ очень бы пригодился многим россиянам. Ведь простейшая технология мошенников в том и состоит, чтобы взять маленькую сумму, втереться в доверие своевременным возвратом, взять крупную, да ещё под крутые проценты, и исчезнуть.

Задержанный долг может скрывать иные претензии. Кто-то берёт деньги, без намерения вернуть, но не считает это кражей. Скорее, так он выравнивает образовавшийся, по его мнению, дисбаланс дружбы, или вообще мировой справедливости. Этаким робингудик, трудящийся на ниве перераспределения богатств или даже большевичок, экспроприрующий экспроприаторов.

Этот пример хорошо иллюстрирует деструктивную природу фантазий о так называемой справедливости. При внимательном рассмотрении справедливость оказывается сиблинговым руководящим принципом [6].

Конечно, понятие долга много шире, чем просто денежные или имущественные обязательства.

Долг предписывает человеку поступить определённым образом: отдать Богу первенца, явиться по первому зову... положить жизнь за того, кто её тебе не давал, сообщить куда следует о нездоровых отношениях в коллективе, показать султану через десять лет говорящего ишака, найти о покойном доброе слово... Короче говоря, долг – просто обязанность правового, морального или ритуального характера.

Долженствование обладает тенью неотвратимости. И нереальности: между «быть» и «должно быть» разница существенна.

Например, пресловутое «чувство долга» не существует. Должно бы быть, но, увы. Даже поверхностный анализ показывает, что «чувство долга» – не психологическая реальность, а идеологический конструкт, помогающий социуму манипулировать отдельными субъектами. Он подразумевает любые чувства, подвигающие человека к выполнению своей обязанности: это могут быть и любовь, и жалость и сострадание. Но подобные чувства побуждают к действию, не нуждаясь в дополнительном «креплении». Чаще всего «чувство долга» стряпается из вины, стыда и страха. Иногда заквашивается направленным гневом и жадой мести. Но эта разношерстица не годится для знамени. Поэтому из неё валяется суконка, уже на которой пишутся гордые слова. Однако, если у субъекта не оказывается даже этих тёмных манипулятивных чувств, никакое специфическое «чувство долга» не приходит на помощь.

Ядром и прообразом всех форм долженствования являются родительско - детские отношения. Соответственно, вычлениаются детский и родительский долги.

Ребёнок, в общем представлении, должен родителям уже за «предоставление ему жизни». Хотя он этого не просил, и не всегда радуется своему существованию. Так обозначается первая коллизия долговых отношений: долг старше, «первичней» самого человека. Растущий человек рано или поздно обнаруживает растущую с ним долговую тень. Но сам он через призму первичного нарциссизма воспринимает весь окружающий мир как своего должника. Сколько ценного из себя он уже выдавил в мир, а до сих пор по настоящему не обласкан!

Родительское отношение к обеспечению ребёнка необходимыми благами так же амбивалентно: с одной стороны подчёркивается безвозмездность и бескорыстность «детских» трат, с другой – эти отношения подаются как пролонгированный долг.

Известна русская сказка, сюжет которой встречается и в сказках других народов, причём иногда фигурирует хлеб, а иногда просто деньги: мужик излагает барину свою экономическую политику: «Двадцатью рублями долг плачу, двадцатью рублями – подать, двадцать в долг даю, да двадцать за окно бросаю». Имеется в виду, что первая статья расхода – содержание родителей, вторая – себя самого, третья – сыновей, а последняя, странная, – дочерей – они замуж выйдут, и папе – шиш.

Ритуал разветвлённых межпоколенных отношений описывается именно как долговые расчёты.

Заметим, что о любви, заботе, сострадании в подобных источниках речи вообще не идёт. Очевидно, что в архаичных модусах воспитания доминировали «долговые» чувства, да и позднее – социализирующем – они выступают как обязательная подстраховка. Лишь в новейшем – помогающем модусе высокие чувства занимают достойное место. Но ещё не вызрели те поколения.

Социальная готовность детей к возврату долгов облегчает детско-родительскую инверсию, то есть, принятие детьми родительских ролей по отношению к составившимся родителям.

А вот если пролонгированный сыновний долг берет на себя государство, ценность детей падает?

Сегодня рано говорить о выявленной корреляции между развитием пенсионной системы

в разных странах и рождаемости в них. Тем не менее, СМИ, Интернет изобилуют материалами, в которых обсуждается связь высокой рождаемости в Китае с неразвитостью пенсионной системы. Подразумевается, что традиционно китайцы могли рассчитывать в старости только на своих детей, поэтому обеспечивали будущее, как умели. А политика «одна семья – один ребёнок» привела к тому, что этому выросшему ребёнку приходится содержать не только двух родителей, но и четырёх бабушек-дедушек. И государство вынуждено спешить на помощь. Правда, сведения о китайской «пенсии» в этих материалах не всегда согласуются друг с другом. Резонно было бы сопоставить рождаемость в странах с развитыми пенсионными и состояние поддержки стариков в странах с низкой рождаемостью, но оставим это специалистам [4, 13]. Отдельные горячие головы даже предлагают увеличить рождаемость в России путём уничтожения её пенсионной системы. Гей, славяне...

В любом случае, берущий в долг, вступает в детско-родительские отношения. Перед ним кредитор – родитель, которому не нужно отдавать вообще (что должника устраивает) или родитель, которому нужно отдавать долг ПОТОМ – в другой жизни, за пределами психологического восприятия (более пяти лет) Но к быстрой отдаче – месяц, даже год, он не готов. Поэтому взрослое бремя долга падает на актуализированного ситуацией, можно сказать, вылупившегося в результате глубокой регрессии, младенца. Регрессия запускается самой архетипической ситуацией кредитования.

Более того, кредитор становится родительской, материнской фигурой, должник, берущий долг – жаждущим и завидующим младенцем, а должник, возвращающий долг, вынужден стать выросшим ребёнком. То есть, претендующим на родительскую жизненную нишу. Символический родитель-кредитор выталкивается в «дедовскую» нишу. Уж если я – должник вынужден повзрослеть, то ты, кредитор, сейчас одряхлеешь. Грубо говоря, ему – кредитору, уже умирать пора, а не сбором долгов заниматься. Ещё грубее: болван кредитор исполнил свой «родительский долг» по поддержанию должника и не должен более задерживаться на этом свете. Он, в глазах должника становится престарелым нелюбимым, и даже жалости не вызывающим маразматиком, которому

одна дорога... (А по телеку бесконечные передачи «про зверей» показывают, сколь безжалостны бывают возросшие особи к одряхлевшим вожакам) То есть, давая в долг, физическое лицо обрекает себя на попадание в жёсткую архаическую ситуацию. Напомним, что архаическая пенсионная система многих племён и народов предполагала ритуальное умерщвление ветеранов. С другой стороны, в том же Китае, одним из побочных эффектов культа предков было ритуальное самоубийство молодых людей ради здоровья и долголетия родителей. Властям приходилось бороться с этим поветрием решительными мерами, например, строительством стен, преграждающих подходы к обрыву [1].

А далее начинается уродливый процесс сепарации от накормившего родителя. Ненависть к кредитору, поиск моральных уродств, дающих «право» не возвращать долг, пожелания его смерти, иногда переходящие в символические и даже реальные действия по её приближению.

Ну, ненависть, пожелание смерти – понятно. А откуда вдруг обида берётся? Взял деньги, не возвращает, да ещё обижается. Всё логично, если учесть тесную связь долга с виной. Вспомним ещё раз мифическое «чувство долга» - состоящее, в основном, из вины, с добавлениями стыда и тревоги.

«Господи, прости нам долги наши, как мы прощаем должникам нашим» [2].

В христианской традиции, как видим, взыскание долга - грех. По-божески, их следует прощать. Подчеркнём: долги не списывают, не реструктурируют, их прощают. То есть поступают так же как с обидой и оскорблением.

Язык хранит след тождества: взять в долг = обидеть.

Обидеть, – значит, мучаться виной и страхом за возможную месть обидевшегося кредитора. В криминальной ситуации фантазийный страх может реально воплотиться. Трудно вытащить паяльник из задницы, если сам виноват. Но поскольку «диполь» обида–вина легко переворачивается, виновным в плохом самочувствии должника легко становится кредитор. Саркастическое «Кому должна – я всем прощаю» – не просто дерзкая шутка, а откровенное признание в мстительных намерениях. Так и перетекают друг в друга вина-обида-жажда мести в условных рамках меж долгом и прощением.

Усугубляется ситуация часто тем, что деньги вообще обманны, то есть манят и обещают гораздо больше, чем реально дают, и умалчивают о проблемах, которые с собой приносят. Потраченная сумма долга не принесла обещанной радости, а если избавила от грозных проблем, то это уже забыто. Но сумма, которую предстоит вернуть, продолжает манить и обещать счастье. Кредитор невольно становится обманщиком: он дал то, что не принесло должнику ожидаемой радости, какие-то ненастоящие деньги (не фальшивые, а именно ненастоящие), а теперь требует возврата настоящих. Должник же уподобляется анекдотичной блондинке с претензией к продавцу ёлочных игрушек: почему они не радуют?!

Психология кредиторов так же смутна и амбивалентна.

Должников пугает перспектива за небольшую сумму попасть под тотальный контроль. А раз они пугаются, то и делают всё, чтоб спровоцировать кредитора на попытки контроля. Те ещё больше пугаются и ещё глубже прячутся. Впрочем, многие кредиторы, входя в роль кормящего родителя, активно транслируют дитю-должнику свою максималистскую родительскую фантазию: «Дом, в котором ты живёшь, тебе не принадлежит, ведь ты сам – целиком моя собственность. Ничего своего у тебя быть не может, поскольку ты – моё порождение, и всё, что ты имеешь, дал тебе я. Временно. И будущего у тебя нет, оно – тоже моё».

Возможно, кредитор пробуждает в должнике глубинную арахнофобию, поскольку становится похож на паука, пеленающего свою жертву. Можно понять тех, кто избегает попадания в такой кокон тотального родительского контроля над вечно должным спелёнутым существом.

Но это относительно ясная стратегия. Случается такое, что люди дают в долг свою потенцию. Скажем шире – разнообразные личные качества.

Вспомним некоторые мифопоэтические примеры такового «одалживания». В Песне о Нибелунгах Король Гунтер, влюбившийся в могучую Брунгильду не имеет шансов жениться на ней, поскольку она согласна выйти замуж только за того, кто победит её в единоборстве. Гунтеру

самому это явно не под силу, и он обращается за помощью к другу Зигфриду. Тот подменяет его на поединке, побеждает Брунгильду, а после того, как новобрачная уже на супружеском ложе избивает Гунтера и подвешивает его на крюк, Зигфрид ещё раз одалживает свою силу другу. Прокравшись на брачное ложе, не без труда заламывает Брунгильду, сохраняя, впрочем, её девственность для законного супруга. Тот так и просил: «Убить, говорил, её можешь, но девственности не лишай». Но, усмирив друга подругу, благородный Зигфрид, зачем-то(!) захватывает пояс и перстень Брунгильды. И женится на сестре Гунтера Кримхильде.

Так вот, подобное «одалживание» не прощается. Среди полной благодати завязывается странный спор Брунгильды и Кримхильды – кто из их супругов господин, кто вассал, тут и перстень с поясом в ход пойдут, состоится разговор, который возглавит друг и шурином Гунтер. Непобедимый Зигфрид падёт жертвой предательства. Потом, конечно, падут и предатели, и масса безвинного люда потонет в кровище. Расплата будет столь тотальной, что не понять уже – кого и с кем [10].

Сирано де Бержерак в одноимённой пьесе Э. Ростана даёт займы своё красноречие и талант, чтобы любимую им Роксану смог обаять пустоватый косноязычный красавчик Кристиан. Умница, и храбрец Сирано стеснялся своего большого носа, поэтому не смел признаться даме в своём чувстве, и по её же просьбе, взял Кристиана под опеку. Более того, он работает на молодого болвана копирайтером и имиджмейкером: пишет ему тексты для любовных свиданий, чувственные письма, даже суфлирует вживую под балконом. Не хотел он поверить, что красавице содержание важнее внешности окажется. Это выяснится потом, перед самой смертью героя, и много времени спустя после гибели Кристиана. Бесстрашный Сирано тоже падёт жертвой, и не от шпаги даже, а от полена. Никому не на пользу такие благодеяния. Здесь событийная связь между инцестуозно-гомоэротическим долгом и трагическим финалом не столь очевидна, как в «Нибелунгах», но прослеживается.[12]

Во многих случаях неожиданные помощники, одолжив свою волшебную потенцию, требуют возврата долга в жестоком неприемлемом

виде: выдать из дому то, о чем сам хозяин не знает. Помните, это обычно оказывается ребёнок, родившийся, пока папа успешно искал приключений и являлся с подозрительными типами. Классика: задолженность Фауста перед Мефистофелем. Кредит под залог души. Из свежей мифологии: Кольцо всевластья. Оно даёт могущество своему временному обладателю, но неизбежно подчиняет его себе, разрушая личность. Не зарься на чужую самость.

В принципе, платить приходится всегда – за увеличение мощности – большим расходом топлива, за большой процент по вкладу – большим риском. За свободу – тревогой. Но фантазия о халыве неистребима, вероятно, потому, что уходит корнями в первичный нарциссизм.

Психоаналитики нередко сталкиваются с ситуациями, в которых клиент ожидает или прямо требует одолжить ему какие-то способности своего визави. Не стану утверждать, что этого нельзя делать никогда, и ни при каких обстоятельствах, но аналитик, часто «дающий займы» свои возможности, рискует быстрым «выгоранием». Характер контрпереноса, в данном случае, явно родительский, напоминающий о стандартной ситуации, в которой раздражённый родитель стремится побыстрее сделать за ребёнка то, что, хорошо бы, уже уметь делать ребёнку, но все шансы на терпеливое обучение и воспитание давно уже приносятся в жертву текущему моменту. «Всё равно, за дитём придётся посуду перемыть, ботинки перешнуровать, задачку перерешивать, сделаю быстренько сам». При этом ребёнку наносится пролонгированная травма, глубина которой отнюдь не исчерпывается бытовой неумелостью.

Как видим, и благородные эпические герои и яйцеголовые психоаналитики не застрахованы от попадания в нарциссические ловушки, так насколько осторожным следует быть наивным кредитором, втянувшимся в опасные игры с должниками. Преимущество в этих играх всегда на стороне последних.

Кредит – это доверие. Значит, кредитор – доверившийся. То есть – лох, которым грех не попользоваться.

Возврат долга в России всегда труден, малоперспективен и мучителен для всех сторон. Известные бандитские технологии «выбива-

ния долгов», кстати, направлены не на возврат конкретного долга, а на полное потрошение должника. При этом сторонний кредитор – лох, наобум призвавший «тёмные силы», рисковал не только не получить ничего, но и самому внезапно оказаться должным братве. Строго говоря, это не возврат долгов, а самостоятельный чёрный бизнес. Между тем, среди своих бытовало «понятие»: взять долг здоровьем. То есть, если кредитор причинил должнику физический – телесный вред, то он уже не может требовать с него деньги – здоровьем взял, пользуйся.

Встречались в славные девяностые годы прохвосты, умело играющие на своей тотальной задолженности, да так, что конкурирующие группировки ещё и охраняли друг от друга петушка, обещавшего снести когда-нибудь потом золотые яйца.

А что такое современные банки с их залогами, поручительством, безликой неумолимостью, с коллекторскими агентствами. Это специальный механизм, призванный хоть как-то уравнивать гигантскую фору должников. Иначе у кредиторов просто не будет шансов.

Государство не любило отвечать по своим долгам и не любило заниматься долговыми делами своих граждан. Мать не имеет реальной возможности получать алименты? Зато отец не имеет реальной возможности общаться с ребёнком. Взаимозачёт.

Сейчас ситуация медленно, но меняется. Символично, что эффективной мерой воздействия на должников, недавно найденной судебными приставами, является запрет на выезд из страны. Ради возможности хоть ненадолго покинуть родину, граждане начали гасить застарелые долги. То есть, традиционный российский недоросль, с которого будто бы и взять нечего, до того он прост, согласен обнаружить свою зрелость, свою состоятельность именно в момент отделения от глобальной материнской фигуры. Подобная ментальность служит хорошей питательной средой для вызревания радикальных стратегий: набрать долгов побольше и вовремя смыться с поля чудес, застроенного пирамидами.

В России быть должником выгодно. Но ещё выгодней – быть должником в России, а жить – в другом месте.

Обратим внимание на ещё один кажущийся парадокс: люди, не умеющие и не любящие отдавать долги проявляют поспешность и суетливость в ситуациях, не предполагающих какую-то материальную отдачу. Там, где пристойно просто быть благодарным, они спешат сунуть благодетелю вещной или денежный «эквивалент». Благодарность, зависшая в душе, воспринимается ими как тяжкий эгодистонный груз, от которого нужно побыстрее отделаться. Как удобно – оценить, оторвать разок от себя, и избавиться от этого пугающего чувства благодарности. Теперь можно снова предаться привычным переживаниям – злобе и зависти. Такой внутренний процесс обесценивания можно уподобить инфляции, которая размывает неиндексированные долги.

Умение быть благодарным без размена – важный критерий зрелости. Но те, кто мог бы быть добросовестным должником, очевидно, реже просят займы, чем те, для кого кредит – непосильная ноша. Вспомним, что кредит – это доверие.

Литература:

1. Алексеев В. М. В старом Китае. Дневник путешествия 1907 года. М., 1958.
2. Библия РБО Мтф. М.1994.
3. Гражданский кодекс РФ.
4. Грызлов А. Яненко Е. Обзор зарубежных пенсионных систем «Отечественные записки» №3 2005.
5. Де Моз Л. Психиатрия. Ростов-на-Дону Феникс 2000
6. Зубарев С.М. Самоликвидация материнских структур Психотерапия 2007 №12.
7. Кляйн Мелани «Зависть и благодарность». СПб Б.С.К. 1997 г.
8. Кожевников А. Тихонова Т. Умом Россию не понять. Словарь приколов. Olma MediaGrup 2006.
9. Панченко А. Образ старости в русской крестьянской культуре. «Отечественные записки» №3 2005.
10. Песнь о Нибелунгах ЭКСМО М.2004.
11. Притчи про Ходжу Насреддина. Генезис 2008.
12. Ростан Э. «Сирано де Бержерак» Фолио Харьков 2007.
13. Храмчихин А. Китайский велосипед. КНР Парадоксы развития. Новый Мир 2008 №3.
14. Шварц-Салант Н. Нарциссизм и трансформация личности. Класс М.2007.